

A man with dark hair tied in a ponytail, wearing a black coat, is playing a violin. He is looking down at the instrument. The background is a foggy street with a silhouette of a person walking away in the distance.

ПОЛИНА ЛЮРО
СКРИПАЧ

Полина Люро Скрипач

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70490122

SelfPub; 2024

Аннотация

Если бы только Стив знал, уступая просьбе жены отметить её День рождения поездкой в горы, каким кошмаром для них обернётся этот «маленький пикник» — ни за что не согласился. Но влюблённый музыкант не смог отказать любимой...

Полина Люро

Скрипач

Я смотрел на свои испачканные грязью, исколотые колючками пальцы и думал, как быстро огрубела нежная кожа, став на ощупь шершавее той коры, что мне пришлось сегодня обдирать с дерева в попытке развести костёр в этом забытом даже москитами уголке леса. Она потемнела от знойного солнца, сходя прозрачными лоскутами, и потрескалась от ледяной воды горного ручья, вдоль которого я вынужден был пробираться, чтобы сбить преследователей со следа. И кровоточила, кровоточила, сволочь...

Пальцы музыканта — тонкие и изящные, созданные богом лишь для того, чтобы извлекать чарующие звуки музыки, теперь с обломанными ногтями и чёрной «каймай» под ними мало отличались от толстых бесформенных обрубков местных фермеров и их наёмных работников, от зари до зари горбатившихся на своих клочках земли. Я горько усмехался, понимая, что сейчас это не самая большая проблема в жизни, хотя раньше устроил бы истерику от одной только мысли, что кто-то посмеет покуситься на моё «сокровище»...

Рядом хрустнул сухой валежник, просигналив, что пора вставать с поваленного недавним ураганом дерева, чьи резные листья ещё не успели засохнуть и облететь с веток, и

снова брести вдоль ручья, с ужасом думая о надвигающейся ночи. Замерзшие от холодной воды ноги дрожали от усталости, на коленке набухла и пульсировала немаленькая шишка — результат неудачного падения в воду, ныла ушибленная спина, и голодный желудок постоянно напоминал о себе недовольным урчанием. Найденную в сумке жены крошечную шоколадку я съел, когда солнце было ещё высоко, а теперь оно неудержимо клонилось к закату, пугая до икоты...

А ещё вчера утром жизнь казалась такой прекрасной...

Тайра настояла, чтобы этот её День рождения мы провели только вдвоём в каком-нибудь живописном месте без надоедливых друзей и родственников. Гастроли привели меня сюда, и она с утра пораньше примчалась из дома, выпалив чуть ли не с порога:

– Не спорь, Стиви, ты обещал, что на этот раз поступишь, как я скажу. Хватит бесконечных репетиций, сегодня объявляю свободным днём, — жена повисла у меня на шее, — ну, милый, давай пошлём всё к чёрту хотя бы на полдня. Здесь всего в пятнадцати минутах езды есть чудесное местечко. Представь — горы, обзорная площадка, пикник на траве и никакого менеджера рядом...

Я поцеловал её славный носик, покорно вздыхая, приняв единственную попытку возразить:

– Малыш, недавно в этих местах прошла сильная гроза, говорят, ураганный ветер повалил немало деревьев — возможно, кемпинг закрыт, и тропу завалило. Только время по-

теряем, давай закажем столик в самом дорогом ресторане...

Но получив ошутимый шлепок пониже спины, рассмеялся:

– Ладно, ладно, злючка, только не дерись...

Вопрос был решён, и вскоре, оставив машину на стоянке и выслушав шуточный инструктаж хозяина «Горного приюта» — не сворачивать с тропы и не прыгать с площадки без парашюта, мы почти развернулись к лесу. Но что-то меня остановило.

– Послушайте, Вик, — немного смущаясь, обратился к словоохотливому хозяину кемпинга — седому мужчине, удивительно похожему на Хемингуэя, — а почему стоянка пуста? Мы что, единственные, приехавшие сюда?

Он явно нервничал, покусывая губу, и дружески похлопал меня по плечу, чего я совершенно не выносил.

– Люди такие неженки — после прошедшей грозы сидят по домам, хотя тропа совершенно не пострадала, я сам проверил её вчера и сегодня на заре. Вам же лучше, проведёте время вдвоём, никто не помешает, а уж впечатлений хватит на целый год. Пользуйтесь моментом, ребята, а к обеду спускайтесь сюда — жена приготовит жаркое из оленины, пальчики оближешь...

Мне не понравилось, как он нервно теребил рукав куртки и отводил глаза, но Тайра не оставила времени на обдумывание ситуации, потащив за собой. Я закинул на плечо рюкзак и, отобрав у неё даже дамскую сумку, покорно поплёлся

следом, чувствуя спиной пристальный взгляд Вика.

Весеннее утро было таким солнечным и ясным, что уже через пять минут все сомнения растаяли без следа. Жена светилась от радости, щебеча, словно птичка, и, не особенно вслушиваясь в её милую болтовню, я любовался окружающим лесом, вдыхая особый, смолистый запах хвои и молодой травы. А когда минут через пятнадцать мы поднялись на обзорную площадку, сердце дрогнуло от восторга, забыв и страхи, и опасения...

Гастролируя с концертами по миру, я уже думал, что ничто не сможет меня удивить, но этот вид на далёкие, окутанные серебристой дымкой голубые горы, скалистый обрыв под ногами, от которого нас с Тайрой отделяла лишь небольшая, вбитая по самому краю металлическая ограда, и ревущая в ущелье бурная пенистая река — потрясли искущённое воображение.

– Стиви, ты видишь это чудо? А кто-то ещё не хотел идти... — засмеялась жена и, уткнувшись носом в её густые волосы, я виновато пробормотал:

– Прости, малыш, был неправ, это — настоящий восторг, словно играю ноктюрн...

И получил удар маленьким кулачком по спине:

– О нет, Стив, прекрати... Давай хотя бы сегодня не будем говорить о музыке! Если уж тебе не терпится выразить восхищение — смотри на меня: разве я не прекрасна?

Пришлось поцеловать нетерпеливую красавицу. Обняв-

шись, мы смотрели на горы, как вдруг она удивлённо произнесла:

– Или *кое у кого* проблемы с глазами, или серебристая дымка перемещается с гор в нашу сторону... Что это может быть? Оно движется слишком быстро, мне не по себе. Давай вернёмся, дорогой, просто мороз по коже...

Я тоже видел, как что-то, вначале принятое за далёкий туман, стремительно приближалось, словно переливающаяся гигантская змея скользила в светлых водах воздушного океана. Тайра потянула меня за руку, оттащив от края площадки, и это, наверное, спасло нам обоим жизнь, потому что в следующее мгновение сильнейший удар повалил обоих на землю. Я успел рассмотреть взметнувшийся над обрывом фонтан земли, в котором мелькали камни, клочья травы и скрученные дугой части ограды, и, кажется, ненадолго отключился...

Когда «твёрдый дождь» перестал барабанить о наши спины, Тайра первой поднялась на ноги, отряхиваясь и ворча:

– Как ты, Стиви, руки целы? Вот и хорошо, вставай, милый, что бы это ни было, оно врезалось в скалу под нами. Давай скорее убираться отсюда... Этому Вику придётся всё объяснить, или я сотру его в порошок. Ты меня знаешь...

Я кое-как сел, фальшивой улыбкой пытаюсь скрыть боль в спине, и первым делом осмотрел руки — удивительно, но они не пострадали, а это было главное. Гастроли ещё не закончились, завтра должен был состояться последний кон-

церт, и теперь эта сумасшедшая вылазка в горы казалась мне настоящей авантюрой. Но, взглянув на расстроенную жену, я не стал ничего говорить: сам виноват, надо было раньше думать...

Поднявшись, начал искать глазами так и неоткрытый рюкзак, но, обнаружив среди вырванной с корнями травы только сумочку Тайры, закинул её длинный ремешок на плечо. В этот момент всё и произошло: прямо у входа на тропу в воздухе сначала образовался тёмный провал, быстро сменившийся прозрачной, колыхавшейся завесой, и это при полном безветрии! Малышка как зачарованная шла прямо в неё, и на мой крик:

– Остановись, Тайра, что ты делаешь? — обернулась, прошептав одними губами:

– Беги...

Её непривычно бледное личико с полными ужаса и отчаяния глазами, внезапно из светло-карих с золотистыми искрами потемневших до цвета горького шоколада, навсегда запечатлелось в памяти... Завеса вздулась пузырьком и опала, унеся с собой любимую женщину, а я, потеряв рассудок, бросился следом за ней. Но опоздал — передо мной снова был лес и ведущая вниз тропа, по которой надо было идти, но я не мог этого сделать: растерянный и оглушённый случившимся, не в силах двинуться с места...

Так и замер, сгорбившись, когда внезапно налетевший ледяной ветер ударил в спину, взьерошив собранные в хвост

волосы. Сзади что-то прогудело, тяжело столкнувшись с землёй, и страх вместе с буйным воображением тут же нарисовали страшную картину карабкающегося по отвесной скале чудовища. Оно поднималось снизу и шло сюда... И тут я очнулся — закричав, бросился к тропе, но снова опоздал: в пяти шагах от меня дорогу перегородила появившаяся из ниоткуда стая необычных волков...

Нет, конечно, это были не волки — несмотря на гул крови в голове и помутившееся от слёз зрение, перепутать их было невозможно: огромные твари, покрытые длинной светло-серебристой шерстью, со слишком крупным для привычных хищников вытянутым, поджарыми телами, узкими мордами, напоминавшими, скорее, борзых собак, и большими золотистыми глазами. Они замерли, прижав остроконечные уши к голове, напряжив сильные, готовые к прыжку лапы, словно ожидая приказа атаковать...

Самый крупный из них, несомненно, Вожак, смотрел на меня пристальным, совершенно человеческим взглядом...

Я понимал — шанса на спасение не было: сзади, фыркая и шумно дыша, двигалось *нечто*, от чьих шагов под и без того трясущимися ногами вздрагивала земля. А впереди ждала дикая стая... Выбирай, Стив, что тебе больше нравится?

В голове прогрехотали литавры, казалось, ещё немного — и упаду, скорчившись от невыносимой боли в висках, неожиданно сменившейся мягким контральто Тайры:

– Стиви, скорее беги к кустам слева от тебя!

Но меня *заклинило* — я был не в состоянии пошевелиться, и тогда невидимая рука приподняла обмякшее тело над землёй, осторожно опустив его у корней гигантской ели. Там, стоя на коленях, я жадно глотал воздух, не замечая, как острые иглы прошлогодней хвои впиваются в ободранную кожу ног, и, не отрываясь, смотрел через густую листву кустарника на происходившее передо мной сражение...

Они ринулись друг на друга одновременно — тёмная бесформенная масса и стая невероятных светлых «волков», слившись в единый вздрагивающий клубок, из которого время от времени брызгала густая чёрная жижа. Я не сразу понял, что весь этот кошмар происходил в абсолютной тишине и, прикоснувшись к ушам почувствовал, как намокли пальцы. Кровь? Неужели оглох, откуда же тогда звон в голове и голос жены? Хотя, понятно — душа не выдержала потрясения...

Ноги подкосились, уронив измученное тело на твёрдую, как камень, землю. Хотелось закрыть глаза и уснуть, чтобы, очнувшись, оказаться если не дома, то хотя бы в номере отеля, и чтобы Тайра ласково гладила меня по волосам, а я целовал её нежные губы... Встревоженный голос пропавшей жены не позволил окунуться в желанное забытьё:

– Вставай, Стиви. Они скоро закончат свою драку, и победитель вспомнит о тебе. Беги, дорогой, здесь по дну оврага протекает ручей. Уходи по нему как можно дальше, это собьёт их со следа, и у тебя всегда будет вода, чтобы напиться.

Я уверена, спасатели уже нас ищут, поторопись...

Вытер лицо наполовину оторвавшимся рукавом нового тонкого пальто, оставив на нём несколько кровавых полос, и, спотыкаясь, стал спускаться в овраг. Ручей там и в самом деле был — тоненький фонтан лесного родника бил из-под коряги, прокладывая себе путь среди мха и камней. Утолив жажду и не глядя по сторонам, я побежал, насколько хватало сил, вслед за струящейся водой.

Не знаю, как долго это продолжалось, но уставшие ноги вынесли меня к настоящему ручью, достаточно широкому и глубокому — переходя через него, я до колен намочил джинсы и даже умудрился упасть, поскользнувшись на камне. Колено запульсировало болью, и пришлось отойти от ручья немного в сторону, чтобы отдышаться и отдохнуть, привалившись к стволу огромного дерева.

Только сейчас я вспомнил о мобильном и, ощупав карманы, убедился, что остался без связи. В сумочке Тайры тоже оказалось пусто, правда, в кармашке нашлась старая зажигалка, что давало некоторую надежду, хотя в тот момент я бы не отказался от парочки больших сэндвичей с курицей. От таких мыслей живот требовательно заурчал, и пришлось на него прикрикнуть:

– Ничего, потерпишь...

Но уже через несколько минут по ту сторону ручья раздался подозрительный хруст веток, и это подстегнуло меня продолжить побег...

— Я снова могу слышать — пожалуй, единственная хорошая новость, — отметил про себя, чувствуя, как начинают гореть замёрзшие ноги, — не жарко, и до лета ещё далеко, а вода просто ледяная. Надо развести костёр и обсушиться, иначе нет смысла убежать — свалюсь с лихорадкой и сдохну под кустом, как бродячая собака...

Но, несмотря на эти доводы, я продолжал идти вперёд, несколько раз то переходя ручей, то двигаясь по нему в попытке запутать следы. Однако усталость взяла своё, и, понимая, что больше не выдержу, выбрал место между двумя старыми деревьями, наконец-то запалив костёр, благо, в валежнике не было недостатка.

Конечно, всё было совсем непросто: после дождя ветки не успели высохнуть и не желали гореть. Пришлось отдирать кору с деревьев, обломав несколько ногтей и расцарапав руки до крови. Но и она загорелась не сразу, зато дыма было сколько угодно, и это слегка разогнало неожиданно появившихся moskitov.

Я действовал на автомате, плохо соображая, и всё-таки остался доволен результатом: пусть и не с первого раза, но костёр весело затрещал, отбрасывая искры в незаметно подкравшуюся ночь. Мокрые кроссовки были сброшены, и ноги согрелись у горячего пламени, а сам, свернувшись калачиком у корней дерева, провалился в сон, благополучно забыв о данном себе обещании не смыкать глаз...

Меня разбудило раздававшееся совсем рядом похрюкива-

ние, и, разлепив веки, я столкнулся взглядом с маленьким, заинтересованно обнюхивавшим руку, полосатым кабанчиком. Вскрикнув от неожиданности, испуганно вскочил на ноги, больно ударившись затылком о ствол дерева, не сразу сообразив, где нахожусь и как оказался один среди леса. Перепуганный зверёк, заверещав, бросился в кусты, и это привело меня в чувство — где-то поблизости наверняка бродила *его мама*, встреча с которой очень быстро закончила бы страдания бедного музыканта...

Вернувшись к ручью, я умылся и, раз уж есть было нечего, вдоволь напился ледяной воды и промыл раны. Посмотрев на свои босые ноги, легкомысленно решил не возвращаться за второпях брошенными у костра мокрыми кроссовками: сегодня солнце припекало почти по-летнему, и молодая трава приятно холодила ступни. Выбрав направление, я продолжил путь, делая это довольно легко до тех пор, пока ручей резко не свернул в густой лес, где пружинистый мох внезапно кончился, сменившись буреломом и большими камнями, пробираться через которые босыми ногами было просто невозможно...

А тут ещё солнце скрылось за облаками, налетел резкий, холодный ветер, и вокруг стремительно потемнело. Я спрятался под елью, дрожа и прислушиваясь к себе в тщетной надежде снова услышать голос Тайры. Тут только в голову начали приходить разумные мысли:

– Что ты творишь, Стивен? Послушался слуховой галлю-

цинации и забрёл чёрте-куда, а надо было оставаться на месте, ожидая помощи. Как теперь спасатели найдут потерявшегося в этой глуши? Дождусь окончания дождя и вернусь по ручью назад, там хотя бы открытое место, меня смогут заметить с вертолёта... Бедная Тайра, где она? Пока я бредил чудовищами, с ней могло случиться что угодно...

В этот момент с небес хлынул не просто дождь, а мощный ливень, и старые еловые лапы от него не защитили, как и пальто, промокшее уже через пару минут. Я закрывал лицо ладонями, чтобы не захлебнуться в потоках воды, и тихо молился, прося защиты у небес...

И, кажется, меня услышали — ливень стих, но с веток деревьев продолжила стекать вода, безумно раздражая своей ритмичной капелью. Я снял пальто и, кое-как выжав его, снова натянул на себя, надо было срочно выбираться отсюда и найти ручей. И тут я растерялся — вокруг плотной стеной повис туман. Конечно, после дождя — это обычное явление, но не так же быстро...

Закрутившись на месте, вытянул руки и пошёл наугад, почти сразу уткнувшись в дерево. Развернувшись, повторил манёвр и снова через пару шагов почувствовал преграду. Хватило нескольких попыток, чтобы понять — я в ловушке, объяснить которую не в состоянии — деревья окружали меня сплошной стеной, зазоры между ними были настолько узкими, что еле пролезала рука... Просто фантастика.

Во всех смыслах слова — выхода не было, оставалось

только сесть на землю и ждать своей участи. Что я и сделал... Вскоре *они пришли*, беззвучно подкравшись и окружив меня. Серебристая шерсть идеально сливалась с туманом, ласкавшим поджарые тела своими призрачными руками и колымавшимся в такт их дыханию, едва заметному по худым вздрагивающим бокам. Эти существа словно вырастали из белой пелены, она была их домом и колыбелью.

– Неужели, это — часть тумана или просто фантазия, вызванная игрой уставшего, воспалённого разума? Как же они красивы...

Странные, внезапно пришедшие в голову мысли успокоили дрожь, видимо, я смирился и уже без страха, с любопытством рассматривал загадочных «зверей». Их прозрачные золотые глаза бесстрастно смотрели сквозь меня куда-то вдаль. В них не чувствовалось агрессии — только покой, но я понимал, что это обманчивое впечатление: трудно было забыть оскаленные пасти и огромные когти, рвавшие врага в том яростном сражении...

Как только появился Вожак, в голове зазвучал голос Тайры:

– Хорошо, что ты в порядке, Стив, мне было не по себе... Я прокашлялся, прогоняя остатки страха:

– Так вот кто говорил за жену... Зачем ты это делал, Вожак?

Он прищурил большие умные глаза, и мне показалось, что они смеются.

– Понял, наконец? Разве поверил бы ты незнакомцу? Конечно, нет, я лишь имитировал голос женщины, чтобы заставить тебя уйти как можно дальше от опасного места. Исход битвы не был предрешён, мы могли проиграть...

От этих его слов заныло в груди:

– Вот, значит, как, и за что же мне такая честь? С какой стати вам спасти простого музыканта, и почему вы позволили Тайре исчезнуть? Отвечай...

Вожак покрутился на месте, совсем как собака, и лёг, положив большую голову на вытянутые лапы.

– Потому что так было надо, Стив. А с Тайрой всё в порядке, она сама добралась до спасателей и сейчас ищет тебя вместе с другими людьми. Скоро ты вернёшься к ней...

Я не знал, что сказать — этот шизофренический бред начинал утомлять: раньше у меня не было идиотской привычки разговаривать самому с собой. Но раз всё это плод воображения или навеянный лихорадкой сон, то почему бы и не спросить:

– И всё же, хотелось бы знать, почему именно я, что во мне *особенного*, Вожак?

Он хрипло завыл, и стая подхватила его песню. Сначала от этих протяжных звуков кровь застыла в жилах, но, присмотревшись к фантастическим созданиям, я понял, что их влажные глаза странно сияют, а «песня» подозрительно похожа на...

– Или ты, Стив, окончательно сошёл с ума, или они над

тобой смеются...

Это меня взбесило:

– Похоже, ребята, кому-то очень весело. Может, поделитесь, что вас так насмешило?

Вожак замолчал, и тут же наступила неприятная тишина: теперь вся стая не спускала с меня заинтересованных глаз. Огромный серебристый зверь встал, наверное, чтобы нахальный человек понял, что может целиком уместиться в его желудке, а не только по частям. На этот раз его голос звучал гораздо ниже и мало походил на милое контральто жены.

– А ты сам шутник, Стив... Говоришь, *простой музыкант*? Докажи...

У моих ног появился старенький скрипичный футляр. Я вытер руки о то, что ещё совсем недавно Тайра называла «стильной штучкой», а теперь годилось лишь в качестве пальто для огородного пугала, и открыл потёртый, побитый временем кожаный футляр. Она лежала там — под стать ему, старая и потемневшая от времени, но, как прежде, восхитительная — *королева скрипок*. Я знал, что это она, та единственная, о которой мечтает любой музыкант. Всё вокруг померкло, глаза видели только её, руки ласкали великолепные изгибы вишнёвого тела, устроившегося на плече, смычок взметнулся навстречу, мечтая затанцевать по старинным струнам...

Я не сомневался в том, какая мелодия должна была сейчас родиться — та, что так нравилась любимой, та, что всегда

вызывала во мне мысли о лишь о ней...

И старая скрипка запела «Муки любви» Крейсlera, нежную и волнующую, грустную и одновременно весёлую мелодию нашей любви. Я играл, забыв об ободранной, кровото-чащей коже рук, о том, что пальцы почти не гнутся от укусов вездесущих mosкитов, что от усталости и ран горят ноги, а тяжёлая голова едва удерживает уплывающее сознание. Мои мысли были с Тайрой, я вновь и вновь кружил её в танце, а она смеялась, повторяя:

– Ещё, сыграй ещё раз, пожалуйста, Стиви!

Усталая рука нехотя оторвала смычок, я тяжело дышал, жадно глотая раскалённый воздух, сырой от тумана и слёз. Вокруг был только волнующаяся белая пелена, без следа растворившая в себе странных существ, но мне было всё равно — в голове ещё звучала мелодия, и, опустив руки, я пошёл вперёд, не удивляясь, что пространство послушно раздвигается, выводя к тому самому месту, где мы вчера расстались. И только оказавшись здесь, ноги подкосились, а тело полетело навстречу земле...

Я открыл глаза: Тайра сидела с печальным лицом на краю больничной кровати, осторожно поправляя одеяло, и вздыхала. Увидев, что «пациент» пришёл в себя, она радостно вскрикнула, чуть не задушив мужа в счастливых объятиях. Уже через несколько минут мне стали известны все подробности произошедшего: после внезапного землетрясения я упал, ударившись головой, и потерял сознание. Тайра помча-

лась за помощью, но, когда вернулась вместе с Виком и его сыном, меня на месте не оказалось.

Видимо, «пострадавший» очнулся и сам пошёл искать дорогу. Спутанное сознание увело его далеко в сторону, жена подняла на ноги спасателей, но, к всеобщему удивлению, на второй день ослабленный и обезвоженный «потеряшка» сам вышел к ним. Меня немедленно положили в местную больницу: больше всего пострадала кожа рук, в остальном же всё было не так плохо — я отделался лёгким сотрясением мозга, так что через неделю можно будет вернуться домой...

Вывалив новости на одном дыхании, Тайра надолго замолчала, всхлипывая на моём плече. Успокоившись, она еле слышно прошептала:

– Прости, Стиви, я во всём виновата: хотела устроить для тебя незабываемый праздник, а вот что получилось...

Нежно погладил её растрёпанные волосы:

– Не переживай, малыш, всё же обошлось, и кое-что на этот раз точно удалось — нам ещё долго не забыть *этот День рождения*...

Мы посмеялись, и только через некоторое время я решился её спросить:

– Дорогая, вспомни, когда меня нашли, не было ли рядом чего-нибудь странного?

Тайра вскинула брови:

– А, точно, точно... Я сохранила их на память, может, объяснишь, зачем это тебе понадобилось?

И она вынула из прикроватной тумбочки большой кусок коры и тонкую ветку. Мне не удалось подавить вздох разочарования:

– Ерунда какая-то, сам не знаю, зачем в них вцепился...

Жена засмеялась:

– А я, кажется, догадываюсь: если присмотреться — по форме они очень напоминают скрипку и смычок, вот, наверное, ты и не смог пройти мимо, да? Негодник, только о музыке и думаешь...

Я засмеялся:

– И о тебе, любимая...

Лицо у Тайры вдруг стало непривычно грустным:

– Ты хоть что-нибудь помнишь о своих блужданиях по лесу?

– Нет, совсем ничего, — не задумываясь, почему-то соврал я.

Она отвернулась, её плечи печально опустились:

– Может, это и к лучшему...

У меня внезапно бешено заколотилось сердце.

– Тайра, скажи, только честно — ты считаешь своего мужа хорошим скрипачом?

Она повернулась, прижав к себе кору и никчёмную палку.

– Не просто *хорошим*, Стив, ты — *особенный*, поэтому я всегда буду рядом с тобой...

– Потому что любишь...

– Да, и потому что тебе нужна надёжная защита.

Сердце на мгновение замерло, чтобы перейти из галопа в замедленный, тревожный бег. Я внимательно присмотрелся к жене: что-то неуловимо изменилось в её облике. Мой голос хрипел от волнения:

– Тайра, ты сегодня *немного другая*...

Её золотистые глаза сияли удивительным светом, но смотрели сквозь меня куда-то вдаль. Она тряхнула длинными, серебристо–пепельными волосами и засмеялась знакомым, протяжным смехом:

– Я всегда была *такой*, ты просто не замечал этого, Стиви...

Сердце пропускало удар за ударом, пока Тайра доставала из шкафчика старый футляр, убирая в него удивительные скрипку и смычок...